

Зеркало
полюски

НОННА ГОЛИКОВА

**ЛЮБОВЬ
ОРЛОВА**

Годы счастья

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г60

Ответственный редактор *Елена Толкачева*

Дизайн серии *Андрея Фереца*

Послесловие *Михаила Куницына*

В оформлении книги использованы фотографии из архивов Государственного центрального театрального музея им. А.А.Бахрушина, Государственного академического театра им. Моссовета, РИА Новости (А. Гаранин, А. Гладштейн, В. Малышев), Киноконцерна «Мосфильм»

Фото на обложку предоставлено Киноконцерном «Мосфильм»

Голикова, Нонна Юрьевна

Г60 Любовь Орлова: Годы счастья / Нонна Голикова; послесловие М.Ю. Куницына. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 272 с.; ил. — (Зеркало памяти)

ISBN 978-5-17-121549-1

«Веселые ребята», «Цирк», «Волга-Волга», «Светлый путь», «Весна» — эти фильмы, увиденные однажды, не забудутся никогда. Их главной героине, Любви Орловой, они обеспечили «пропуск в вечность». Но воплотился в них не только блистательный талант актрисы, но и талант ее супруга — выдающегося режиссера мирового кинематографа Григория Александрова. Вместе они прошли долгий, яркий путь длиной в сорок два года счастья.

Книга написана человеком, близко знавшим Любовь Орлову, — ее внучатой племянницей, известным театроведом и драматургом Нонной Голиковой. Перед читателем проходят детские и юношеские годы актрисы, ее учеба в консерватории, начало театральной карьеры и наконец встреча с Г. Александровым, изменившая не только ее жизнь, но и внешний облик. И дальше повествование идет уже о сложившемся творческом союзе, благодаря которому появились фильмы, вошедшие в золотой фонд искусства кино. Автор рассказывает также и о встречах с Л. Утесовым, Ф. Раневской, Р. Зеленой, И. Дунаевским и многими другими. Особое место в книге занимают театральные роли Орловой, которые стали настоящим культурным явлением русского театра.

УДК 821.161.1-94

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-121549-1

© Н.Ю. Голикова, 2020

© М.Ю. Куницын, послесловие, 2020

© ПЦТМ им. А.А.Бахрушина, иллюстрации, 2020

© ГАТ им. Моссовета, иллюстрации, 2020

© РИА Новости

© Киноконцерн «Мосфильм» (кадры из фильмов)

© ООО «Издательство АСТ», 2020

*За мной, читатель! Кто сказал
тебе, что нет на свете настоящей,
верной, вечной Любви? Да отрежут
лгуну его гнусный язык! За мной,
мой читатель, и только за мной,
и я покажу тебе такую любовь!*

М. Булгаков.

«Мастер и Маргарита»

А кошка все-таки была!

«**М**ое творчество знают все, моя личная жизнь не касается никого», — часто говорила Любовь Петровна и всегда отказывалась от интервью и всех попыток журналистов говорить с ней и о ней.

Эта точка зрения и мне всегда казалась единственно возможной. Но шли годы, и давно уже нет моих бабушек. Любовь Петровна Орлова — родная сестра моей бабушки (со стороны матери) Нонны Петровны.

В последние годы я все чаще с изумлением читаю о Любви Орловой досужие вымыслы и ложь. И не только о ней, но и об этой блистательной паре — Орлова и Александров. Их отношения еще при жизни стали настоящей легендой о любви. Но известно, что люди не прощают тех, кто звездно и с блеском отрывается от привычного уровня, не прощают непохожести и неповторимой яркости. Более же всего посредственность не прощает чужой счастливой любви — этого редчайшего и драгоценнейшего дара судьбы.

Те, кто помнит Орлову и Александрова, знают, что главным содержанием жизни для них была любовь друг к другу. Они просто не могли не вызывать

не только восхищение, но и зависть, и раздражение. Орлова и Александров — само созвучие этих имен — воспринималось как нечто единое и неразделимое, как некий символ любви. Она почти ни у кого не снималась, кроме него — своего обожаемого и любимого режиссера. У него никогда не было другой героини, ничье больше лицо не сияло с экрана в его кинолентах. Они прожили вместе 42 года, и это были, по его словам, 42 года счастья.

Она, чтобы увидеть его перед своим уходом, исключительной силой воли отодвигала самое смерть и позволила себе потерять сознание лишь после того, как он вошел в ее палату в последний раз...

«Не окажись он [Александров] рядом с Любой, еще неизвестно, как бы сложилась ее творческая судьба. Однажды на даче у них заговорили об этом. Люба положила руку на руку мужа и сказала: “Спасибо вам, Гриша (они всегда были на “вы”), за всю мою жизнь”. И вдруг Александров смутился: “Да что вы? — Он поцеловал ее руку. — Это я должен благодарить вас за всю мою жизнь и нашу жизнь”. Я не выдержала и заплакала от радости, что так близко и так явственно вижу счастье двух талантов, созданных друг для друга. Очень, очень редко так бывает. Ну с кем еще случилось такое? Кому еще выпало подобное?» — писала в своем дневнике Фаина Раневская.

«Они никогда не были мужем и женой, а только партнерами по работе... Она находила утешение в ра-

боте, в зарубежных поездках» (?!!), — пишет вдруг недавно не помню кто и в каком журнале. И еще лучше: «Внутри них сидело одно огромное чувство страха... Мужчину и женщину мучил страх остаться в неизвестности, в бедности... Мужчина и женщина договорились». Этот перл принадлежит некоему (или некой) Нимко. Перл этот даже не знаю как комментировать.

Вспоминая своих бабушек, я понимаю, что ответом на подобный нонсенс может быть только брезгливое молчание. Но домыслы тех, кто никогда не только не знал их, но даже не видел, рождают новые небылицы, и нет им конца... Бедные, с убогой душой люди, они не в состоянии даже представить себе благородной нормы человеческих отношений. И дело не только в этой уникальной паре Орлова — Александров.

Дело в том, что безвозвратно уходят память и представление о целой человеческой породе, которая стала феноменом в истории мировой нравственной культуры и которая называется русской интеллигенцией.

Лица, ясные в своем доброжелательном осмыслении жизни, с выражением собственного достоинства, теперь представляются уже чем-то невозможным. А если и замаячит что-то, забрезжит светло и обнадеживающе — стоп! Этого не было! И тянет, и тащит мрак забвения в гиблое болото своего уровня — того, кто не переносит ничьего и никакого достоинства и превосходства.

Боюсь, что скоро и под пыткой никто не вспомнит, как, собственно, должен выглядеть нормальный человек. Ведь даже ни в чем не повинные «чеховские интеллигенты», волею современных режиссеров, уже давно сами на себя не похожи. Нина Заречная в одном из спектаклей свой прекрасный финальный монолог произносит пьяной и оборванной. Бедная, беззащитная перед возрастом и ужасом «бега времени» Аркадина в другом спектакле прямо на глазах у изумленного зрителя чуть ли не насилует Тригорина. А в одном новейшем «Вишневом саде» персонажи все время расположены просто спиной к зрителю. Не иначе как для того, чтобы кто-нибудь не разглядел в них что-нибудь хорошее.

Нет, очень кому-то не хочется, чтобы оставалась в природе эта странная, прекрасная и все более редкая порода человеческая со всеми лучшими чувствами и мыслями, присущими этим людям. Еще немного вранья, и в самом деле невозможно будет восстановить начальный облик русского интеллигента, причем вранья порой совсем мелкого, вроде бы и не имеющего значения. Но вот одна мелочь, другая, десятая, и темный ил забвения и лжи затянет черты, погасит свет живой жизни, и она станет неузнаваема. И это мелкое вранье бывает столь наглым, что даже не считает нужным позаботиться хотя бы о минимальной аргументированности и достоверности.

«МК-бульвар» опубликовал большую и пеструю подборку коротких воспоминаний об Орловой и Алек-

сандрове. «Она даже дома была всегда на высоких каблучках!» — безапелляционно восклицает кто-то, не удосужившись проверить, что на следующей же странице помещена фотография Орловой и Александрова в домашней обстановке, где Орлова как раз в домашних тапочках. Вернее — в мягких домашних башмачках и совершенно без каблучков. Разумеется, мелочь и пустяк. Но, повторяю, мелкая ложь как снежный ком, обрастая вымышленными и почему-то злыми подробностями, отодвигает в уже недосыгаемую даль черты реальности. Интересно, что те (теперь уже немногие), кто лично знал этих людей, хранят память о них как нечто ценное, считая, что сила этих впечатлений обогатила и украсила их жизнь.

Все гадости изобретают почему-то только те, кто не только их не знал, но даже никогда не видел.

И что за страсть порочить то, на что ты сам не похож и похожим никогда не будешь! Люди в очках и шляпах, «интеллигенты», люди редкой породы всегда вызывали раздражение у большинства. Кстати, в фильме «Весна» Любовь Орлова появится и в шляпе, и в очках, а уж Григорий Васильевич с его безупречной импозантностью никогда и нигде не расставался с этими атрибутами социальной «прослойки», к которой он принадлежал.

И опять — вроде бы мелочь: «Орлова и Александров держали цепных псов». Я хорошо помню двух немецких овчарок, которые жили в их доме. Снача-

ла — царственная, с благородной сединой чернобурки Кармен. Это был щенок с псарни Геринга, подаренный Любви Петровне и Григорию Васильевичу вскоре после войны. Никогда не забуду, как во время течки несчастную собаку обряжали в те знаменитые голубые дамские панталоны с резинками советского периода, которые затем были осмеяны столь же бестактным, сколь и великим Ивом Монтаном. В этих панталонах делалась дырка для хвоста, и оконфуженная собака растерянно металась вдоль забора.

Мы нередко гуляли втроем — Любочка, Кармен и я. Это было во Внукове, наша дачка была рядом. Недалеко от поселка находился детский дом. Разместился он в бывшем имении крупного русского фабриканта-кондитера, особенно знаменитого мармеладом, — Абрикосова. Тогда еще повсюду видны были приметы исчезающего поместья: запущенные аллеи, пруд с беседкой — классической ротондой с шестью колоннами, старые флигели усадьбы. Теперь уже нет ни аллей, ни беседки...

Как-то мы слишком близко подошли к детскому дому, и выбежавшие навстречу ребятишки узнали великую актрису и окружили нас широким кольцом. Любочка терпеливо демонстрировала юным зрителям все, на что была способна ее красивая собака. Кармен добросовестно и лапу давала, и лаяла по команде хозяйки «голос!». Дети были в восторге, а мы отправились дальше. После Кармен в доме появилась ее

дочь Кора. Это была очень изящная собака с большими светлыми подпалинами. Обе собаки жили в доме, были добрейшими существами и про цепь, слава богу, ничего не знали. Я представляю ужас Любы, если бы ей сказали, что Кармен или Кору, которые всегда спали в ее комнате, надо посадить на цепь!

Кто-то написал, что Орлова в последние годы разговаривала с журналистами через специальную шторку, чтобы не было видно, как она состарилась. Да она вообще с ними не разговаривала! А когда зашла речь о том, что о ней и Александрове будут снимать документальный фильм, она категорически отказалась принимать в нем участие. Фильм снимали без нее. Даже Григорий Васильевич не смог ее уговорить.

Кто-то уверял, что Александров сделал символ дома в виде сердца и повесил его в доме. Ничего похожего. Просто форма сердца, так остроумно и изящно возникшая на немытом оконном стекле в фильме «Веселые ребята», стала повторяющимся элементом всего интерьера в их доме.

Мы еще пройдем с вами по этому единственному в своем роде дому, и вы все поймете. Тоже мелочь, но какой смысл говорить и писать то, чего не было. Михаил Булгаков, как известно, начинал как врач, получив соответствующее образование. Известно также, что врачи дают клятву Гиппократу. В своем «Театральном романе» Булгаков говорит, что клятва эта очень подошла бы и для писателей. Оказывается, Гиппократ

советовал врачам при описании симптомов болезни и составлении диагноза: «Что видишь, то и пиши, а что не видишь, того писать не надо». Горе-биографам Орловой и Александрова этот завет совсем не помешал бы. Почему-то с особой яростью они напирают именно на то, что вот как раз любви-то там и не было!

Меня крайне озадачило, что в одном журнале, куда я предложила написать свои воспоминания об Орловой, мне поставили категорическое условие: обязательно писать о ее любовниках и вообще — никаких восторгов! «А если их не было — любовников?» — «Ну хоть что-то: может, она жадная была? Или он — голубой?» — с надеждой добивалась редактор. Боже, как я их разочаровала! Дело в том, что в «лихие девяностые» топталось и вытаптывалось все, что составляло русскую славу. Шло уничтожение великой страны, переделывали ее историю, в том числе и историю русской культуры. Мировое сообщество шло в наступление широким фронтом, России отказывалось в праве на какие-либо достижения и победы и в прошлом, и в настоящем. Любовь Орлова была самым ярким символом своей страны и своего народа, поэтому ей доставалось больше всех. Она и ее ближайшее окружение принадлежали к той редкой человеческой породе, которая стала феноменом в истории мировой нравственной культуры, — русской интеллигенции. А именно интеллигенция и попадала всегда под удары во всех изломах и поворотах истории.

О знаменитых парах всегда ходили сплетни, им злорадно приписывали несуществующие «побочные» связи. Не было пары более знаменитой, чем Орлова и Александров. И они были единственными, о ком даже тени слухов подобного рода не возникало. Это при их жизни. Теперь, когда они не могут ничем ответить, как легко и какое удовольствие для недобросовестных журналистов шельмовать направо и налево то, чего никогда не было и не будет с ними самими. Безнаказанность — это так приятно!

Я никого не собираюсь защищать. Наши герои в этом не нуждаются. Может быть, нуждаются те, кому грязь не в удовольствие и кому ложь мешает в желании не шуриться перед блеском жизни.

Алексей Щеглов в воспоминаниях о своей матери Ирине Сергеевне Анисимовой-Вульф (режиссер и близкий друг Любови Петровны и Григория Васильевича) пишет, опираясь на свидетельство очевидцев, как в ее, Ирины Сергеевны, детстве к ним пришли как-то гости с детьми. «И вот на крыльце появилась шестилетняя девочка (Ирина) — ангел, посланец из другого мира, в кружевах и бантах, в белых чулочках и белых кудряшках. А в ее руках была дивная фарфоровая куколка... Девочка была не только красивая, но и доброжелательная, — протянула детям свою куколку в знак доверия и расположения». Но пришедший в гости мальчик «тут же схватил эту куколку и оторвал ей голову». Что ж, вполне классическая ситуация.